

Часть первая

МЕЖ ДВУХ ВЕКОВ

Наверное, в одних условиях раскрывается одна часть характера, а в других — другая... Поэтому у каждого времени свои герои.

В. В. Быков

Глава I. 1942

В темноте зимнего леса среди заиндевевших деревьев человеку оставалось одно спасение — у костра. Заправившись несколькими глотками спирта и наевшись горячей картошки, можно было отправляться на твердые, наспех срубленные кровати, которые для мягкости и глубины сна покрывали еловыми веточками.

Хруст горящего хвороста прерывался бойким смехом в ответ на житейские истории и вздохами от предстоящих планов. Укутанный в телогрейку и шерстяной «бабушкин» платок, Федор в эти студеные рождественские вечера постоянно клевал носом, но в минуты победы над сном всей душой любил подобные разговоры. Грусть отступала, проблемы забывались, а в мгновения сильного действия фронтовых ста граммов он улетал домой, где в лучшие времена так же собирались родные

и друзья, травили анекдоты, пели песни и хохотали до слез. Только находившиеся рядом с людьми ППШ и ножи выдавали тотальный хаос на планете.

Перед отбоем здесь выбирали, кому меньше чем через сутки идти в Матвеево, где обосновались немцы. Задача — без лишнего шума добыть продуктов и попытаться вывести из строя военные машины. Конечно, ошиваться на территории, занятой врагом, не было никакого желания, но вынуждали обстоятельства. В Сеньково партизаны уже наведывались двумя неделями ранее, и довольствоваться там было нечем. А Полесье, которое так часто помогало, зверски сожгли оккупанты: посреди пепелища остались неразрушенными только колодец да обугленные печи.

В отряд «счастливи́чиков», готовящихся к неблизкому пути, попали Владимир Петров, Олесь Савчук, братья Иван и Семен Сечинские, Григорий Курпатов и сам Федька.

— Савельич, так на той неделе меня назначали, — возмутился 42-летний Петров. Лишь он один из отряда мог открыто не согласиться с приказом подполковника Тропаренко. Они уважали друг друга, общались на важные темы, и Иван Савельевич всегда прислушивался к мнению товарища.

— Молодежь одна идет. Нужен «старик», Володь, — объяснил командир, положив руку на крупное плечо товарища. — Да и там, если придется убеждать поселян, лучше тебя никто не справится.

В деревнях партизанам могли отказать в помощи с продовольствием: люди скептически, временами враждебно относились к незванным гостям. Тем более

когда самим в рот нечего положить. А этот «старый черт», как по-доброму называли Петрова в отряде, обладал природным обаянием, что служило добрую службу и ему, и его товарищам по оружию. Задорная улыбка, густая борода почти до груди и приятный низкий голос исправно делали свое дело. Что, однако, не мешало Владимиру показывать в бою нечеловеческую натуру. Однажды в рукопашном поединке Петров зубами перегрыз горло набросившемуся фрицу, а затем, вытерев лицо рукавом, как ни в чем не бывало продолжил биться. Да и силой он обладал недюжей. Этакий Евпатий Коловрат, решивший переместиться во времени, чтобы рубить «супостатов» уже в XX веке.

— Добро, Иван. Только давай не как в тот раз, когда из-за этого тифозного недотепы (он ткнул пальцем в щуплого Ваську Мартова) чуть в окружение не попали. Предупреди: я с ними возиться не собираюсь.

Подобные вылазки были обычным явлением. В отряде, состоящем из четырех десятков человек, запасы старались экономить, но расходовались они все равно быстро. Морозы, большая физическая нагрузка и стресс тому способствовали. И во избежание голода партизаны доставали еду заранее, дабы что-то оставалось на черный день.

Впрочем, Федора военное «меню» истощало. После материнских густых щей и потрясающих ужинов Ирины от партизанского рациона его не раз рвало, а от голода сводило живот до искр в глазах. Довольствоваться приходилось овощами и хлебом, реже — мясом и яйцами (которыми, поклон местным жителям, судьба их баловала чаще остального). Все это помещали в огромные

ямы, где, помимо прочего, стояли вместительные бочки с соленьями и наловленной рыбой. И если мясо хоть как-то напоминало то, что было на родительском столе до июня 1941 года, то хлеб... Готовили его в отживающей свой век походной печи. Из зерна выпечка получалась довольно сносной. А когда его оставалось немного, в тесто добавляли хвою, и становилось сложно назвать получившееся словом «хлеб».

Беда была не только с едой. С наступлением холодов стало тяжело добывать и простую воду. Одно дело — мыться, ополаскивать посуду, с горем пополам варить пищу. Для этого годилась и подогретая вода из близлежащих водоемов. Другое — пить. Так партизаны натаскивали снега из леса и затем растапливали его над костром. Жажду эта сероватая жидкость утоляла, но тошнотворный запах оседал в ноздрях, а земляной душок в сочетании со смолой долго мучил вкусовые рецепторы. Федька на всю жизнь запомнил, как по осени ему пришлось пить из заросшего пруда. Желание промочить горло тогда сводило с ума, и даже тот гадюшник превратился в оазис. Тогда он не стал пропускать воду через марлю — в ладонях она выглядела совсем чистой, как стекло, — а затем обнаружил во рту головастиков. Черные и изворотливые, они щекотали мясистую поверхность языка, словно нежились в лучах летнего солнца.

После ужина, ворочаясь на грязной подстилке, юноша осознал, насколько тяжелым выдастся завтрашний день. Прибившись к партизанам полгода назад, он и засады устраивал, и разбирали железнодорожные пути, и в перестрелках участвовал. Закалка молодого бойца

продолжалась, и с каждым днем испытания становились все труднее. Но чтобы пробираться в логово врага — такого с ним еще не случалось.

— Ничего, фрицам гадить не привыкать. Авось скоро и до медали дослужусь, — не унывал Федька.

Он еще не ведал, что судьба уготовила немцам в его войне не главную отрицательную роль.

* * *

Покинули лагерь заранее. На старых часах Петрова не было и четырех, когда группа из шести человек миновала часового и двинулась по направлению к северу.

Шли молча. Каждый погрузился в свои мысли: Владимир размышлял, как избежать встречи с немцами, в который раз прокручивая в голове заученную карту села и возможные пути отхода. Параллельно с этим он с тоской вспоминал о стоявшей под кроватью бутылке... Закаленный в первых боях Великой войны, Гришка мечтал об аппетитной тушке зайца, которую вечером должен приготовить повар Михаил для вернувшихся с задания. Федор же думал об Ирине, которой до сих пор не отправил письмо.

Съезжившись, временами останавливаясь, чтобы вытряхнуть снег из валенок, партизаны преодолели поле и обошли заледеневшее болото. С опускающимися на землю сумерками пришел мандраж перед стычкой с оккупантами — в волнительные моменты Федор начинал отчаянно потеть. Так, к большому стыду, было в школе у доски и на свиданиях с любимой девушкой. Так было и сейчас, на двадцатиградусном морозе и в снегу почти по пояс.

На расплывчатом горизонте виднелись очертания невысокой колокольни... Треск под ногой запоздало предупредил Федора о препятствии на пути к горящим огонькам. Споткнувшись, он полетел в белые залежи и уперся носом в деревянный крест. Опешивший партизан попятился: из-за плохой видимости путники не заметили, как вышли на кладбище, не обозначенное на карте Владимира. Напрягши зрение и оглядевшись, они оценили пессимистичный пейзаж. Ровнехонькую пелену прерывали темно-коричневые «домики», глазевшие из укрытий на замерзающих партизан.

Однако мрачная атмосфера смутила только Федьку. Он с детства отличался большой фантазией и любовью к историям о вурдалаках, разбивавших стенки гробов и выползавших свести счеты с живыми. Остальных, судя по расслабленности, этим вряд ли можно было напугать: группа устроилась на привал. Олесь ходил среди могил, очищая заваленные снегом надгробия и рассматривая фамилии умерших, Владимир и братья нашли не задействованный для захоронений участок и присели отдохнуть. Гриша и вовсе повесил винтовку на покосившийся памятник и, дав от него искру, закурил.

— О Юрке ничего не слышно? — заговорил Семен.

Юрий Ольхов, душа компании и главный заводила в отряде, двумя днями ранее был доставлен в оборудованный под госпиталь дом. Когда он отбивался от немцев, нож противника располосовал Ольхову шею и вспорол плечо. Неизвестно, каким чудом Юра добрался до лагеря живым (потеря крови была колоссальной — выжимать пришлось и одежду пострадавшего, и портки

несших его партизан), но быстрая операция и постоянный уход оставляли надежду на лучшее.

— Говорят, на поправку идет. Как его ножом-то взять — для такого зверя оружие покрупнее нужно! — усмехнулся Петров. — И вообще, с вестями получше стало. На той неделе местные рассказали, что под Москвой перелом начался.

— До Смоленщины недалеко — скоро и нас к себе подберут, — вступил в разговор Иван.

— Ой, Ваня, долго тебе этого ждать. Силен немец: и с севера, и с юга прет гад, — иней в бородке Олеся становился все белее. — Нам дела до Москвы быть не должно: есть только партизанщина, голод, смерть. А Ленинград, Киев, столица — это так, байки. Нам деревенские рассказывают одно, немцы в листовках пишут другое.

— Тут ты не прав, — перебил Петров. — Мы должны верить в лучшее. Победа — удел не маленькой кучки таких, как мы, вояк, обитающих в лесу и портящих Гитлеру и его солдатам жизнь. Это цель всего народа, миллионов людей. Плевать, где они живут — на Черном море или в Сибири, Архангельске или Сталинграде...

— Да, но где они все?! Сколько времени мы только и видим, что пустые поля, голые деревья да торчащие кресты, — Олесь громко высморкался. — Ни самолет не пролетит, ни машина не проедет. Люди, о которых ты говоришь, забились по домам. Эта земля и чужая как будто, вся под немцами.

— Дело наживное. Под Москвой пошла заварушка, скоро и в других местах фриц сдавать начнет.

— Но есть ли этот прорыв, Володя? Может, такая же ситуация, как в детстве: помню, играли с друзьями

в прятки, я схоронился в стоге сена. Васька, который был «водилой», так меня и не нашел. А я сидел и думал: «Прошло столько времени — они, кажись, бросили играть и пошли на речку купаться». Как бы такого не было, что и нас оставили шляться по лесам, а сами уже... Дошло?

— А хоть бы и так. Мне все равно приятнее верить в перелом, чем в то, что эсэсовцы прошли далеко, обложив нас со всех сторон. И тебе советую не унывать.

— Что-то вы разошлись, товарищи партизаны, — прервал словесную перепалку Семен с присущим ему юмором в голосе. — Олесь, давай-ка еще по одной.

— Выдвигаться пора, стемнело окончательно.

— Вов, мы быстро, — несмотря на то что Петрову многие годились в сыновья, он просил не придавать значения его возрасту и общаться с ним на равных. «После войны соберемся и на танцы сходим, я вам фору, зайцам, дам!» — часто шутил бородач в хорошем настроении.

— Ладно, я пока еще раз все обговорю. Немцы заняли избы на западной стороне села — вот здесь, за речкой. Шерстим дома в восточной части, без лишнего шума. Бронетранспортеры берут на себя братья, мы же прикрываем их сзади, — нашептывал предводитель над картой. — И будьте внимательнее. Дома проверяйте: смотрите в окна с горящим светом, чтобы в комнатах не было фрицев, и только тогда тихонько стучитесь. Тихонько... Возвращаемся тем же маршрутом, каким пришли, в обход патруля. Понятна программа балета?

Партизаны молча кивнули — последняя выкуренная самокрутка полетела в сугроб.

— Тогда вперед.